

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.29>

Рахматуллина Диляра Равильевна, Безменова Лариса Эдуардовна, Степанова Анна Васильевна

Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве

В статье рассматриваются модели преобразования речевых актов в процессе перевода с английского языка на русский. Были проанализированы причины множественности интерпретации речевых актов, приводящие к появлению вариантов перевода. Предлагаемые модели преобразования речевых актов в процессе перевода исследуются как межъязыковая реконструкция смысла в рамках переводческого пространства. Авторы приходят к выводу о том, что свойства самого речевого акта создают условия для множественности интерпретации, но когнитивные и прагматические фильтры переводческого пространства сужают круг поиска варианта перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 141-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111-26

Дата поступления рукописи: 20.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.29>

В статье рассматриваются модели преобразования речевых актов в процессе перевода с английского языка на русский. Были проанализированы причины множественности интерпретации речевых актов, приводящие к появлению вариантов перевода. Предлагаемые модели преобразования речевых актов в процессе перевода исследуются как межъязыковая реконструкция смысла в рамках переводческого пространства. Авторы приходят к выводу о том, что свойства самого речевого акта создают условия для множественности интерпретации, но когнитивные и прагматические фильтры переводческого пространства сужают круг поиска варианта перевода.

Ключевые слова и фразы: речевой акт; переводческое пространство; пропозиция; пресуппозиция; модель преобразования; когнитивные и прагматические фильтры.

Рахматуллина Диляра Равильевна, к. филол. н., доц.

Безменова Лариса Эдуардовна, к. филол. н., доц.

Степанова Анна Васильевна, к. филол. н., доц.

Оренбургский государственный педагогический университет

bezmenova.larisa@mail.ru; dilyara-rakhmatullina@mail.ru; ansvs@bk.ru

Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве

С тех пор, как язык рассматривается как поведение и реакция человека на окружающий мир, как взаимодействие культур, языковые единицы изучаются через призму их когнитивных и речевых характеристик. Перевод с одного языка на другой в этом аспекте является неисчерпаемым источником «информации к размышлению». В переводоведении речевой акт как объект изучения часто рассматривается в рамках теории соответствий и трансформаций, что, как правило, исключает учет прагматических и когнитивных факторов, под влиянием которых речевой акт меняет структуру в процессе перекодирования на язык перевода. Недостаточная изученность перевода речевых актов в свете современного когнитивно-прагматического подхода к изучению языка и речи обусловила **актуальность** нашего исследования. **Научная новизна** исследования заключается в том, что речевые акты рассматриваются как когнитивные объекты в многомерном переводческом пространстве, а особенности их перевода представлены в виде моделей межъязыкового преобразования. В процессе работы применялись **методы** сравнительно-сопоставительного и компонентного анализа, а также лексикографический и интерпретативный методы. **Цель** нашей статьи – исследование особенностей переводческих преобразований речевого акта на поверхностном и глубинном уровнях. Поставленная цель определяет следующие **задачи**: 1) рассмотреть речевой акт как объект межъязыкового преобразования в переводческом пространстве; 2) проанализировать свойства речевого акта и переводческие фильтры, влияющие на возможность его трансформации в переводе; 3) выделить модели межъязыковых преобразований речевого акта.

Перевод речевых актов интересен по многим причинам. Одна из них – множественность их интерпретаций в переводческом пространстве: речевой акт может существовать в виде косвенного речевого акта в тексте оригинала и появиться в форме прямого речевого акта с той же иллокутивной целью в тексте перевода; или же прямой речевой акт оригинала инициирует собственную интерпретацию как косвенного речевого акта в определенном контексте, и тогда на основании смысловых выводов переводчик имеет право использовать речевой акт, наиболее подходящий в конкретной ситуации.

В связи с этим возникают вопросы: чем обусловлена и ограничена множественность интерпретаций при переводе такого явления, как речевой акт; считается ли адекватным перевод в случае появления в тексте перевода другого речевого акта? Поверхностный анализ текстов оригинала и перевода дает возможность констатировать лишь сходство или различие текстов.

Речевой акт является минимальной единицей коммуникации и произносится с целью воздействия на реципиента. Произнося высказывание, говорящий пытается вызвать в адресате определенные чувства, побудить к действиям, сообщить определенную информацию, предупредить и т.д.

Исследуя речевые акты, Дж. Остин предлагает нелинейную трактовку данного понятия, совмещающего в себе собственно вербализацию идеи (локутивный акт); данный процесс совершается с определенной прагматической целью (иллокутивный акт) и имеет воздействующую силу, которая чаще всего приводит к определенной реакции участников коммуникации [6]. Говорящий далеко не всегда имеет в виду то, что он выражает на локутивном уровне речевого акта. Об истинном назначении иллокуции произнесенного высказывания можно судить, зная прагмалингвистическую ситуацию, коммуникативные интенции участников общения, которые и определяют иллокутивную направленность высказывания. При переводе высказываний учитывается иллокутивное намерение, которым руководствовался говорящий, порождая их. Переводчик отталивается от вербальной формы языковой единицы, или, в терминах теории речевых актов, от локутивного акта к определению иллокуции говорящего.

Такое понимание речевых актов уже предполагает, что они являются источником множественной интерпретации, поэтому и возможны такие варианты перевода, как: *Well, it ain't my fault, missus* [16, p. 10]. / *Да я-то тут при чем* [10, с. 328]?

Множественность интерпретации речевого акта обусловлена и такими его свойствами, как конвенциональность, интенциональность, интенциональность. Конвенциональность косвенного речевого акта проявляется в том, что иллокутивная цель использования данного речевого акта и иллокутивный смысл, заложенный в нем, вместе создают перлокутивный эффект, который в конкретной ситуации предполагает определенный смысловой вывод. Интенциональность – совокупность мыслимых признаков, которые могут быть реализованы в переводе в соответствии с намерением переводчика. Интенциональность косвенного акта контекстуальна, связана с его имплицитными свойствами и субъективным намерением говорящего.

Переводчик имеет право на индивидуальную репрезентацию иллокутивных знаний в рамках, ограниченных конвенциональными, интенциональными и интенциональными свойствами речевого акта, поэтому очень важную роль в переводе речевых актов играет языковая личность переводчика, так как за ним стоит выбор варианта перевода.

Выбор варианта перевода может быть продиктован условиями на когнитивном и прагматическом уровнях. На когнитивном уровне речевые акты – объекты перевода в переводческом пространстве, которое представляет собой «открытую, саморазвивающуюся систему, включающую текст оригинала, автора оригинала, культуру автора оригинала, переводчика, текст перевода, культуру переводчика, реципиента, картину мира каждого субъекта – автора, переводчика, реципиента, их интенции, намерения, пресуппозиции, ценности, идеи, мировоззрение и пр.» [5].

Переводческое пространство нелинейно, синергетично, имеет «множество векторов развития» [Там же]. Можно предположить, что оно структурно и ее составными частями могут быть интерпретативное пространство и пространство понимания, существующие не изолированно, а переходящие одно в другое, благодаря тому, что одни и те же участники переводческого процесса (автор, переводчик, читатель) могут меняться ролями и в рамках своих ролей иметь разные цели и выполнять соответствующие этим целям задачи, обусловленные тем или иным пространством.

Нелинейность, открытость переводческого пространства предполагает его пересечение с другими полями (например, когнитивным и лингвокультурным); поэтому, попадая в переводческое пространство, речевые акты на пути от текста оригинала в текст перевода проходят несколько «фильтров».

Когнитивные фильтры, на наш взгляд, могут представлять собой пересечение индивидуальных (автора и переводчика) и коллективных когнитивных полей (последние представляют собой систему общественно выработанных способов осознания [2, с. 213]). В поле пересечения отбираются доминантные концепты речевого акта и фреймы, в которых он появляется. На пути вербализации начинают действовать прагматические фильтры.

С прагматической точки зрения ядром речевого акта в переводческом пространстве может быть пропозиция, та ее часть, которая соответствует положению вещей, описываемому речевым актом.

Обратимся к нескольким определениям пропозиции. По К. Льюису, пропозиция есть нечто утверждаемое, содержание утверждения, причем то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предположению. Оно может быть использовано также и в других модусах. Льюис резко ограничивает пропозицию от способов ее использования [1, с. 30]. Е. В. Падучева рассматривает пропозицию как смысл, который мы находим в семантике предложения; пропозиция выражает разные смыслы – просьбы, обещания, пожелания и т.д. [7, с. 36]. Можно предположить, что намерения участников коммуникации, условия ситуации, выраженные в текстовом фрейме, приводят пропозицию в движение, и она инициирует пропозитивные отношения, которые могут получить новое воплощение в тексте перевода.

Принимая во внимание приведенные определения пропозиции, делаем вывод, что речевые акты являются вербализованным репрезентантом ментальной пропозиции, отображающей на когнитивном уровне положение вещей и фактов в мире от ложного до истинного.

Речевые акты в тексте оригинала и тексте перевода занимают разные позиции в когнитивных полях автора и переводчика. Речевой акт текста оригинала входит в ядро авторского поля в переводческом пространстве в виде прямого или косвенного речевых актов; смыслы, им продуцируемые, могут входить как в ядро поля, так и в его периферию. В интерпретативном поле переводчика эти смыслы, пройдя когнитивные и прагматические фильтры, формируются в процессе трансформации в речевой акт в тексте перевода.

Рассматривая модели перевода речевых актов, мы в своем исследовании опирались на классификацию речевых актов Дж. Серля, предложившего 5 основных классов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [8]. Позднее лингвистами были предложены другие таксономии речевых актов, дополняющие и уточняющие классификацию Дж. Серля, включающие в сферу анализа новые речевые акты, поэтому в ряде случаев мы обращались к классификации Г. Г. Почепцова [3].

В переводческом пространстве могут появляться следующие модели преобразования речевых актов:

1. Речевой акт переведен тем же речевым актом

В этой модели выделяем две субмодели.

1.1. Прямой речевой акт – Прямой речевой акт

Don't try to deceive me [16, p. 13]. /

– *Не пытайтесь обмануть меня* [10, с. 330].

В этом примере директивный речевой акт выражается с помощью повелительного наклонения и в языке оригинала, и в языке перевода, что свидетельствует о сохранении при переводе прямого способа передачи директивной интенции.

В следующем примере в обоих текстах мы имеем репрезентативный речевой акт, но лексическое наполнение в оригинале и переводе разное.

"I have a special announcement to make!" I exclaim, hurrying after them. "I am a singing telegram!.."

"A singing telegram?" says the man in steel glasses suspiciously.

"Like a Gorilla Gram." I offer. "Only singing" [14, p. 23]. /

– Я должна сделать заявление! – верещу я, семена следом. – Я поющая телеграмма...

– Поющая телеграмма? – подозрительно переспрашивает мужчина в очках.

– Да. Это такая шутка [4, с. 25].

Продюцент, пытаясь объяснить свой замысел, прибегает к культуре *Gorilla Gram*, представляющей собой шутовское песенное поздравление, которое передается посредством переодетого в гориллу почтальона. Пытаясь заполнить лауну, переводчик от конкретных пресуппозиций переходит к общей пропозиции, такая стратегия возможна в случае смысловых лаун в когнитивных пространствах языка оригинала. Переводчик использует переводческий прием (генерализация), сохраняя при этом тип речевого акта.

1.2. Косвенный речевой акт – Косвенный речевой акт

"Clemency, where are those cups of tea?" [14, p. 65]. /

– Клеменси, где чай [4, с. 70]?

Вопросительные высказывания функционируют в качестве косвенных директивов, цель которых – заставить адресата подать чай. Подобное употребление косвенных вопросительных предложений с директивной интенцией является конвенциональным, их скрытый смысл достаточно прозрачен.

В следующем примере и в оригинале, и в переводе мы имеем дело с косвенным вопросом-предположением, граничащим с утверждением. Вопросительная интонация, реализованная орфографически в обоих текстах и усиленная приложением «да», в тексте перевода превращает утверждение в предположение.

"You seem very upset about this?" he said [13, p. 8]. /

– Кажется, тебя все это очень расстроило, да? – сказал он [9, с. 10].

2. Изменения в рамках одной группы речевых актов

"Come on, Poppy, let's have a go with your ring" [14, p. 4]. /

– Ну, Поппи, а теперь давай показывай кольцо [4, с. 6].

На поверхностной структуре перевод высказывания выглядит эквивалентным. Однако оригинальное высказывание относится к суггестивным директивным речевым актам, являясь предложением, которое побуждает к совместному действию адресанта и адресата, в то время как в переводе оно представлено реквестивным директивным речевым актом просьбы. Иллокутивное намерение автора – каузация действия – сохранено, но переводчик прибегает к реквестивной подгруппе речевых актов вместо суггестивной.

Тонкая смысловая граница между двумя коррелятами существует благодаря одновременной реализации семантической и прагматической пресуппозиций в тексте оригинала, появившихся на основании анализа ситуации: *Let's* предполагает суггестив ко всей компании, но личное обращение *"Come on, Poppy"* позволяет реализоваться прагматической пресуппозиции «просьба».

"All right!" I say furiously. "I'll do my best. What's his name again?" [14, p. 21]. /

– Ладно! – решаюсь я. – Сделаю все, что смогу. Повторите, как его зовут [4, с. 23]?

Смысл требования и сам речевой акт восстановлен в тексте перевода побудительной формой «Повторите» из семантической пресуппозиции слова *again* (one more time, repeatedly [12]).

Цель вопросительного речевого акта – заполнить информационный пробел в знаниях говорящего. Согласно теории Дж. Серля, вопросы следует отнести к побудительным речевым актам, в их семантике заложен побудительный компонент, поскольку их назначение – побудить говорящего к определенным действиям. Г. Г. Почепцов называет интеррогативные высказывания квеситивами [3, с. 277]. В переводе мы также имеем дело с разновидностью директивных речевых актов – реквестивом, который выражен уже не прямым специальным вопросом, а косвенным.

"Thank you kindly, lady" [16, p. 12]. /

– Дай вам бог здоровья, леди [10, с. 330].

Прямой речевой акт благодарности передается с помощью прямого речевого акта пожелания. Данные речевые акты относятся к группе экспрессивов. С точки зрения представителя русскоязычной культуры такая форма благодарности вполне уместна, поскольку даже внутренняя форма слова «спасибо» в русском языке представляет собой обращение к Богу (см.: «...спасибо также благодарность... Из *съпаси богъ» [11]).

3. Перформативный речевой акт – неперформативный речевой акт

Центральным понятием в теории речевых актов является понятие перформативного высказывания, которое равноценно действию, содержит в своей структуре перформативный глагол и представлено в перформативной формуле, т.е. сказуемое стоит в 1-м лице ед. ч. изъявительного наклонения [6, с. 27].

Vivie. She knows the way.

Praed. Er – I suppose she does [15, p. 89]. /

Виви. Дорогу она знает.

Прэд. Да, да, надо полагать [10, с. 25].

Семантически перевод выглядит эквивалентным, однако грамматическая структура высказываний различна. В тексте перевода используется безличное предложение, лишенное сказуемого-перформатива.

4. ИмPLICITНЫЙ речевоЙ акт – Косвенный речевоЙ акт

“Dear, I’m trying to clear up.” The cleaner grabs the napkins out of my hands. “Look at the mess you’re making!” [14, p. 3]. /

– *Милая, вы мне мешаете.*

Уборщица выхватывает салфетки у меня из рук.

– *Посмотрите, что вы тут устроили* [4, с. 5]!

Следующее высказывание на поверхностном уровне представлено репрезентативом: *Dear, I’m trying to clear up* (*Я убираюсь*), – однако его назначение заключается не в желании зафиксировать существующее положение вещей, что свойственно репрезентативам, а в стремлении изменить существующее положение дел, т.е. высказывание обладает имплицитной директивной силой. Данный косвенный директивный речевоЙ акт переведен с помощью репрезентативного высказывания: *Милая, вы мне мешаете*, – однако степень его косвенности невелика, если сравнить с оригиналом, и данный вариант является менее вежливым.

На когнитивном уровне фрейм «Ресторан: уборка помещения и запоздавший посетитель» создает условия для понимания ситуации и ролей ее участников. Смена пропозиционального содержания, повлекшая за собой изменение речевоГо акта, обусловлена смысловым выводом в результате анализа фрейма и его участников: «Я убираюсь, это моя работа, следовательно, каждый, кто мне мешает, должен об этом знать, чтобы не мешать мне». При этом мы допускаем возможность нескольких выводов: «Я убираюсь, это моя работа, следовательно, уважайте мой труд», «Я убираюсь, это моя работа, которую я выполняю в отведенные часы, я здесь и сейчас в отведенные для меня часы, следовательно, это теперь моя территория». Мы также допускаем, что каждый из этих выводов мог бы быть реализован в следующие варианты перевода: 1. Пожалуйста, не мешайте мне работать. 2. Ресторан уже закрыт для посетителей, уходите и не мешайте убираться. Ни один из вариантов, на наш взгляд, не противоречит требованию адекватности перевода, поскольку соответствует всем смыслам, существующим в рамках заданного фрейма.

Oh, Freddy, there must be one [16, p. 10]. /

– *Ах, Фредди, неужели совсем, совсем нет* [10, с. 329]?

На улице ливень. Фредди отправили поймать такси, но машин нет. Наличие модального глагола в репрезентативном высказывании в тексте оригинала и ситуация общения позволяют его интерпретировать как косвенный директив.

На когнитивном уровне компоненты пропозиции располагаются в таком порядке: *неужели нет машины? – машина должна быть. – найди машину!* Такой порядок отражает логику развития событий. В текстах оригинала и перевода мы замечаем другой порядок: в переводе мы видим причину, в оригинале – следствие; в тексте перевода реализована имплицитная часть общего суждения.

Анализ показал, что оба речевоГо акта являются косвенными, но в языке перевода степень косвенности выше, что позволяет нам интерпретировать данное высказывание как имплицитный директивный речевоЙ акт.

5. Косвенный речевоЙ акт – ИмPLICITНЫЙ речевоЙ акт

“May I please assure you, madam,” he says with a frosty smile, “that we would have let you know if we had found it. We do have your phone number –” “Please don’t call it. Can you use this number instead?” [14, p. 18]. /

– *Заверяю вас, мадам, – цедит портье с ледяной улыбкой, – что как только мы найдем его, то тут же дадим вам знать. У нас есть номер вашего телефона...*

– *Пожалуйста, не делайте этого. Я дам вам другой номер* [4, с. 20].

Используемая в тексте оригинала поверхностно-синтаксическая структура предложения для реализации намерения прескриптора не является эквивалентной. Высказывание *Can you use this number instead?* нужно интерпретировать как косвенный директив. Использование общих вопросов с побудительной целью является конвенциональным в современном английском языке, поскольку пропозиция косвенного директивного предложения содержится в самом вопросительном предложении. Перевод предлагается в виде утвердительного предложения *Я дам вам другой номер*, поверхностная структура которого выражает промиссивный (комиссивный) речевоЙ акт обещания, однако анализ ситуативного фона произнесения высказывания позволяет трактовать его как запрет: *Не используйте старый номер телефона*, – т.е. имплицитный директивный речевоЙ акт.

Мы также можем заметить, что в тексте перевода (*Я дам вам другой номер*) реализуется несколько смыслов. В тексте оригинала мы видим формальную вежливую просьбу (использование *can* в общем вопросе – вежливая просьба), обусловленную реализацией этикетной пресуппозиции. Смысловой вывод в тексте перевода идет по пути экспликации невыраженного компонента пропозиции (*Я дам Вам знать другой номер, на который Вы можете звонить*).

6. Косвенный речевоЙ акт – Прямой речевоЙ акт

Thanks, Violet. I’d appreciate you not mentioning any of this to Sam [14, p. 26]. /

– *Не надо ничего говорить Сэму* [4, с. 28].

Косвенный директивный речевоЙ акт в языке оригинала на вербальном уровне представлен репрезентативом. Использование лексической единицы *to appreciate* в сослагательном наклонении в сочетании

с герундиальной конструкцией *you not mentioning* делает данную просьбу вежливой. Автор не категоричен, не оказывает прямого давления на адресата. Использование не прямой коммуникации объясняется фатикой общения, т.е. речевым этикетом. В тексте перевода фигурирует прямой директивный речевой акт с высокой степенью категоричности.

Импликация этикетной пресуппозиции обусловлена несколькими факторами. Во-первых, форма сослагательного наклонения (Я была бы тебе благодарна...) достаточно редко используется в языке перевода и характеризует определенный тип людей или ситуации. Во-вторых, и фрейм, и анализ внетекстовой ситуации объясняют использование разных речевых актов в текстах оригинала и перевода: главная героиня в замешательстве, она не знает, как поступить дальше, но она не хочет, чтобы о ее состоянии и о событиях, ставших их причиной, знал Сэм, поэтому в тексте перевода используется директив для того, чтобы подчеркнуть состояние героини, которая в данной ситуации может считать директив более действенным.

7. Речевой акт в тексте оригинала переведен другим речевым актом в тексте перевода

You may present [14, p. 24]. /

– *Мы вас выслушаем* [4, с. 26].

Прямой директивный речевой акт разрешения, выраженный с помощью модального глагола, передается через комиссивный речевой акт, интенция которого эксплицируется через местоимение 1-го лица и глагол-сказуемое в будущем времени.

Такая трансформация станет нам более понятной, если мы обратимся к анализу фрейма. Его компоненты – участники ситуации: руководитель японской делегации, переводчик и главная героиня. Главная героиня объяснила через переводчика, что ей нужно передать важное устное сообщение руководителю делегации, и он произносит фразу, которую переводчик переводит на английский “*You may present*”. Поскольку действие происходило в большом холле и главную героиню пытались остановить и не допустить к делегации, то ситуация и пропозиция “*You may present*” (to give, provide, or make something known; to introduce a person [12]) может реализоваться с помощью пресуппозиций в следующих вариантах: «*Вы можете остаться*», «*Что Вы хотели сказать?*» и «*Мы Вас слушаем*».

It's family nonsense and it's got nothing to do with us. I love you. We're getting married. I'm going to do this and I'm going to see it through whatever anyone else says, whether it's my parents or my friends or anyone else. This is about us [14, p. 36]. /

– *Я люблю тебя. Мы поженимся. И мне плевать на то, что будут говорить мои родители, мои друзья и вообще все. Это касается лишь нас с тобой* [4, с. 38].

Герой книги собирается жениться, несмотря на неодобрение брака близкими девушки. Свое намерение он подкрепляет комиссивным речевым актом, в котором использует анафорический повтор *I'm going* в параллельных конструкциях, эксплицирующих интенцию обещания. В русском варианте данный речевой акт трансформируется в экспрессивный речевой акт вызова-возмущения. На вербальном уровне отрицательная эмоция выражена сниженной лексической единицей *плевать*; ее интенсификация происходит за счет градации *мои родители, мои друзья и вообще все*.

Этот пример демонстрирует несоответствие речевых актов в текстах оригинала и перевода. В оригинале значение намерения выражено структурой *to be going to*. Герой собирается довести дело до конца, кто бы что ему ни говорил, и эта пресуппозиция выражена в вызове *и мне плевать*...

Vivie. I wouldn't do it again for the same money.

Praed [aghast]. The same money!

Vivie. Yes. Fifty pounds. Perhaps you don't know how it was [15, p. 90-91]. /

Виви. В другой раз я бы не взялась держать экзамен за такие деньги.

Прэд (в ужасе). За какие деньги?

Виви. Я выдержала экзамен за пятьдесят фунтов.

Прэд. За пятьдесят фунтов?

Виви. Вы, может быть, не знаете, как это было [10, с. 26]?

В данном диалогическом единстве наблюдается практически полное несоответствие представленных речевых актов в текстах оригинала и перевода на локутивном уровне. Если реплика Прэда *The same money!*, повторяющая предыдущее высказывание, передает речевой акт удивления, то интеррогатив *За какие деньги?*, выражая удивление, выполняет и прямую функцию, свойственную квеситивам, – запрос информации. Естественно, что реагирующей репликой на удивление является согласие с ним – *Yes*. В языке перевода данное согласие неуместно после специального вопроса, и переводчик сразу переходит к ответу на вопрос. Завершающие реплики также расходятся в грамматическом оформлении: репрезентативное высказывание в языке оригинала и вопросительное в языке перевода. Тем не менее мы считаем перевод адекватным, поскольку он является вербализацией смыслового вывода, опирающегося на анализ фрейма и его компонентов.

8. Экспликация речевого акта

“Oh, bloody hell. Oh fucking... Clemency!” [14, p. 68]. /

– *О твою мать! О дьявол... Клеменси! – Она обрушивает свою ярость на трепещущую девушку. – Почему ты не напомнила мне о машинах? Им нужны машины! Мы должны заказать их* [4, с. 70]!

В данной ситуации эксплицируется интенция разъяснения ругательства (инвективного речевого акта), который отсутствует в оригинале.

Итак, в ходе исследования мы распределили примеры по 8 моделям перевода речевых актов. Основанием для такого распределения послужило наблюдение за изменением степени косвенности и имплицитности вследствие изменения иллокутивной силы в речевых актах в текстах оригинала и перевода.

Анализ моделей привел нас к **выводу** о том, что множественность интерпретации и вариативность перевода речевых актов могут быть обусловлены несколькими причинами.

Речевой акт можно рассматривать как совокупность иллокутивных смыслов, каждый из них обладает определенной интенцией, которая может быть вербализована в определенном контексте. При этом в одном и том же контексте могут быть реализованы несколько интенций, близких по иллокутивной силе, поэтому сам речевой акт может инициировать множественность интерпретации.

Попадая в переводческое пространство, речевые акты перестают быть «собственностью» автора и становятся объектом субъективных интерпретаций переводчика. Интерпретация с точки зрения переводчика представляет собой процесс, осуществляемый целенаправленно с намерением объективно передать жанрово-стилистические характеристики произведения, соотнесенные с авторским замыслом, сохранить, а не навредить авторскому замыслу. Переводческое пространство неоднородно и представляет собой пересечение нескольких полей; индивидуальные когнитивные поля автора и переводчика как части коллективных когнитивных полей составляют его основу. Неоднородность и неопределенность границ переводческого пространства также создают условия для множественной интерпретации речевого акта.

На пути из оригинала в текст перевода речевые акты проходят когнитивные и прагматические фильтры переводческого пространства. Фреймы и пропозиция представляют собой когнитивные фильтры, прагматическими фильтрами являются иллокутивные и перлокутивные компоненты смысла. Они подсказывают и уточняют направление развития смысла и помогают сделать переводчику подходящий смысловой вывод, не противоречащий главному принципу адекватности перевода.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.
2. Гуревич Л. С. Кривое зеркало коммуникации: кто виноват в коммуникативном диссонансе? // Современный ученый. 2016. № 1. С. 212-216.
3. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
4. Кинселла С. У меня есть твой номер / пер. с англ. М.: Эксмо, 2012. 479 с.
5. Кушникова Л. В. Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-perevodchika-v-svete-sovremennyh-nauchnyh-paradigm> (дата обращения: 25.01.2020).
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 22-129.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений [Электронный ресурс] / отв. ред. В. А. Успенский. Изд.-е 6-е, испр. М., 2010. 296 с. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/paducheva1985.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
9. Хэддон М. Загадочное ночное убийство собаки / пер. с англ. М.: Росмэн-Пресс, 2003. 271 с.
10. Шоу Б. Пьесы / пер с англ. М.: Художественная литература, 1969. 712 с.
11. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.02.2020).
12. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 07.02.2019).
13. Haddon M. The curious incident of the dog in the night-time. L.: Vintage Books, 2003. 271 p.
14. Kinsella S. I've Got Your Number. N. Y.: Random House, 2012. 453 p.
15. Show B. Mrs. Warren's Profession. Peterborough, Ont.: Broadview Press, 2005. 246 p.
16. Show B. Pygmalion. М.: Высшая школа, 1972. 139 p.

Interlingual Transformations of Speech Acts in Translation Space

Rakhmatullina Dilyara Ravil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Bezmenova Larisa Eduardovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Stepanova Anna Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Orenburg State Pedagogical University
 bezmenova.larisa@mail.ru; dilyara-rakhmatullina@mail.ru; ansvs@bk.ru

The article examines models of speech acts transformation when translating from English into Russian. The paper analyses motives for pluralistic interpretation of speech acts that leads to variability in translation. The suggested models of speech acts transformation in the process of translation are considered as an interlingual reconstruction of meaning within translation space. The authors conclude that the features of the speech act itself determine its pluralistic interpretation but cognitive and pragmatic filters of translation space restrict the choice of translation variants.

Key words and phrases: speech act; translation space; proposition; presupposition; transformation model; cognitive and pragmatic filters.